

О. П. Зубец²

АРИСТОКРАТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Проблема диалога культур, взаимодействия больших человеческих общностей, отличающихся определенным ценностно-нормативным и поведенческим своеобразием, не является исторически новой — она возникла тогда, когда одни племена вступали в контакт с другими племенами не на основе отождествления их с миром звериности, а признавая в них человеческого начала³. Вождь олицетворял собой своеобразие своего племени, был тождественен ему и в этом качестве осуществлял связь с иным миром. Аристократизм как ценностное явление

корнями связан с образом вождя, исторически перешедшего в образ владельца замка. В свете проблемы диалога культур существенным представляется такое фундаментальное качество аристократизма, как первичность человека по отношению к миру, более того — их тождественность. Аристократ не есть воплощение норм, идеалов, не есть воспроизводство ценностей, заданных образцов, верований, идеологии, не есть персонификация социальных институтов и отношений. Аристократическому началу противостоит периферийность. Периферийный человек (мещанин), будучи отделен от мира, отдален от его вершины, его центра, связан с миром лишь посредством идеи, нормы, идеала и т. п. Более того, он обретает свое содержание только через эту связь, через свои объективации в отчужденном от него мире и их оценки. Поэтому и в ситуацию столкновения культур он включен только и исключительно как персонификация «своей» культуры.

² Старший научный сотрудник Института философии РАН, кандидат философских наук. Автор книг: «Возраст: особенности нравственной жизни», «Динамика нравственной жизни», «Трактаты о любви», статей: «Ценностное граничепологание и мораль», «Об аристократизме», «О гордости», «Дискуссия о даре: о возможности аристократического в морали» и др.

³ Впрочем, изначально мир звериности был им даже ближе, чем соседнее племя, как связанный с образом родственного — тотемного животного, как источник не только опасности, но и пищи, а также знаний — часто инициация молодого война включала именно необходимость довольно долго (есть упоминания о целом годе) прожить в полном одиночестве в диком пространстве, среди животных — обучаясь их повадкам и способу выживания в конкретных природных условиях. Через ряд тысячелетий воспитание молодого аристократа в Англии также предполагало длительное путешествие, знакомство с совершенно иными народами и культурами, иной природой и иным государственным устройством. То есть и в первобытном обществе, и в обществе Нового времени, дабы стать полноценным членом человеческого сообщества, а особенно — чтобы стать его вождем, его вершиной, было необходимо покинуть свое социальное пространство с его устоявшимися нормами, взглядами, ритуалами, вкусами и приспособиться к совершенно иному пространству — дикости или иной культуры. Необходимо было уйти, чтобы вернуться в ином качестве — более достойном для обретения новой значимости внутри своего сообщества. Таким образом, диалог между различными ценностно-нормативными пространствами обеспечивался на индивидуальном уровне, когда в одном человеке соединялись приспособленности к этому разнообразию. Именно такой индивид становился во главе сообщества, именно он, принадлежа не только этому сообществу, но и более широкому пространству, нес в себе возможность сосуществования с иным, с другим. Не культура, основанная на своеобразии, задавала возможность диалога, а отдельный человек нес в себе эту возможность.

Ситуация столкновения культур несет в себе две возможности: периферийный человек включается в нее в качестве производного носителя и воплощения определенных специфических ценностей, идеалов, традиций, представлений, норм и т. п. — всего того, что мы имеем в виду, когда поднимаем вопрос о проблеме диалога культур. Он — всего лишь более или менее адекватный и энергичный выразитель мира некоторой культуры, растворен в ней и лишен авторских прав. Вторая потенциальная возможность — включение в эту ситуацию аристократа, который сам и есть мир, и над которым не нависает ни национальный, ни религиозный, ни какой-либо иной флаг, за исключением, возможно, родового герба. Иными словами, в одном случае человек есть воплощение некоторого мира, существующего вне, помимо, независимо от него и являющегося источником его содержательной значимости. В другом — он есть центральная единственность, он равен сам себе и мир обретает значимость лишь как его воплощение, своего рода телесность.

Ситуация диалога культур в свете двух данных возможностей видится по-разному. Во втором случае о таком диалоге вообще можно говорить лишь условно. Сама проблема диалога культур порождена периферийностью человека. Другая оптика проблемы также имеет свою историческую традицию и опыт — это опыт отношения к индивидуальной экс-

центричности, то есть отношения не к совокупности иных ценностей, норм, вкусов, представлений, а к способности человека отрываться от них, задавать их своей неповторимой индивидуальностью.

Аристократ (речь, конечно, идет о своеобразии ценностного субъекта, хотя реальная история аристократизма подтверждает и иллюстрирует философскую реконструкцию¹) — подобно первобытному вождю или гомеровскому герою — не представляет и не воплощает род в своей индивидуальности, а тождественен ему, есть его подлинное бытие. Поэтому он осуществляет диалог с другим сообществом не как нечто типичное для своей культуры, а как ее индивидуальная единственность и единственная индивидуальность, низводя или, скорее, возвышая этот диалог до диалога между двумя индивидуальностями. Таким образом, не культура в виде ценностей, норм, форм поведения, идеалов опосредует отношение между людьми, их конфликт или взаимопонимание, но, наоборот, отдельные люди вступают в диалог непосредственно во всей своей индивидуальной человеческой неповторимости, уникальности и именно этой индивидуальностью опосредуют то, что мы сейчас называем диалогом культур².

В аристократическом опыте воплощена несводимость индивида к общим идеям и представлениям, к законам. Традиция в аристократизме тождественна индивидуальной привычке, а наибольшую ценность имеет то, источником чего является индивидуальная энергия, а не инициатива социальных институтов, и в основе чего лежит индивидуальная

эксцентричность, а не соответствие общей идее или правилу (о чем свидетельствует аристократически ориентированная английская ментальность). Прецедентное право и литература абсурда в этом отношении иллюстрируют одно и то же.

Диалог культур может сводиться к диалогу разных культурных содержаний, но он возможен и как такой диалог, в котором преодолевается привязанность человека к определенной культуре, его содержательная вторичность по отношению к ней. Такой диалог основан на забвении того, кто есть Монтеки, а кто — Капулетти, он основан лишь на личных именах — Ромео и Джульетты.

Утверждение, что аристократизм преобразует диалог культур в диалог индивидуальностей, фиксирует лишь момент анализа, но предполагает собственное отрицание, так как *Другой* существует для аристократического субъекта лишь в качестве «включения», момента его самого, его творения, порождения. Поэтому можно было бы предположить, что аристократическое основание диалога тождественно основанию диалога с самим собой. Но аристократ именно своей цельностью обеспечивает единство мира, а не через отторжение себя и диалог с самим собой, не через рефлексю. Поэтому он и не может предложить язык для диалога культур. Иными словами, аристократический индивид самим собой опосредует решение (или невозникновение) проблем диалога культур, он самим собой обеспечивает единство мира и взаимодействие Других в нем — самим собой он задает и границы и возможности диалога культур.

¹ Историческая аристократия ценностно локализует себя вне и над государственностью, национальностью и религией. Государственность чужда аристократическим ценностям в силу ряда причин: в первую очередь, в силу неприемлемости ценностей служения и подчинения, незаинтересованности в сильной централизованной власти, в войне, включающей в социальные отношения служения королю. Социальные связи в аристократическом мире подчинены родовой истории, пространство вторично по отношению ко времени. Единственное пространство, значимое в этом мире, — это та земля, которая дает аристократу имя, которая в ценностном отношении тождественна ему.

Аристократ не имеет и национальности — как в силу преваширования межнациональных, но внутриаристократических браков, так и в силу того, что идея нации возникает на разрушении того общества, в котором аристократизм достиг своего предельного воплощения. Буржуазные революции были национальными революциями. Нация противостояла сословию и сословному неравенству. Она ставит во главу угла общую идею, буржуазная индивидуальность производна от этой идеи. Внерелигиозность аристократа связана также с неприятием служения любого рода, с установлением себя как единственного ответственного законодателя, укоренена в его родственности полубожественным героям.

² В чем различие между диалогом культур и диалогом двух индивидуальностей? Культура существует как содержательно фиксированное явление. Как оформленность. С культурой соприкасаются в первую очередь как с данностью, как с результатом — она подобна картине или музыке, которые воспринимаются нами как завершенные, и с которыми мы всту-

паем в диалог именно как с завершенными. Таков же и диалог индивида с культурой (даже представленной ему в лице другого индивида, который в этом случае предстает как носитель определенных норм, традиций, форм повседневного поведения). Иным предстает диалог индивида с индивидом, если они выступают не в качестве носителей определенных идей, норм, взглядов, а как потенциально содержательно неопределенные, меняющиеся, не связанные никаким фиксированным содержанием. Иными словами, невозможно представить, что мусульманская, или иудейская, или христианская культура вдруг изменят свое содержание на содержание иной культуры — тогда они перестают быть собой, погибнут. Для них подобное изменение является смертельным. Но отдельный человек может изменить свои взгляды, убеждения, верования, вкусы — и, тем не менее, остаться собой, остаться живым и, возможно, даже более живым. Таким образом, между бытием культуры и бытием культурного индивида есть существенное различие — и именно в пространстве этого различия можно искать возможность культурного диалога. Это то пространство, в котором Я несводимо к какой-либо культуре, Я является не ее воплощением, а ее основанием. Я и Другой сходятся именно в этом — как два художника, не понимающие и не принимающие картин друг друга, но понимающие и принимающие тот факт, что они оба являются художниками, пусть и разных направлений.

Если столкновение идей, взглядов, устоев может и часто бывает ожесточенным именно тем обстоятельством, что речь действительно идет о их жизни и смерти (в крайней форме), то столкновение двух индивидов, несводимых к взглядам и верованиям, несет в себе возможность понимания и диалога.